

Злись на меня медленно

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская
Злись на меня медленно

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Злись на меня медленно / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Она — архитектор, который сажает деревья там, где их быть не должно. Он — нейрохирург, который устал спасать жизни и разучился улыбаться. Их первая встреча — катастрофа: Кирилл наступает на макет Анны, и три недели работы летят под откос. Их вторая — война у кофейного автомата. Он называет её проекты «украшением смерти». Она обещает превратить больничный двор в живой сад — назло системе и главврачу, которая ненавидит цветы. Никто не верит, что у них что-то получится. Но однажды в три часа ночи Кирилл теряет пациента. Садится на скамейку в пустом дворе и ломается. А Анна просто садится рядом. Молча. Накрывает его своей курткой. С этого момента их история перестаёт быть просто романом. Это история о том, как два человека, которые разучились верить, учатся дышать заново. Как сорняки пробивают асфальт. Как любовь не лечит — она даёт силы лечить себя самому. «Злись на меня медленно» — роман для тех, кто знает: настоящее чувство не бывает идеальным. Оно бывает живым.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Та, которая сажает деревья там, где их быть не должно	5
Глава 2. Кофе, который не спасает, но греет	7
Глава 3. Три часа ночи. Двор, где ничего не растёт	11
Глава 4. Система не любит, когда её чинят	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Злись на меня медленно

Глава 1. Та, которая сажает деревья там, где их быть не должно

Восемь утра. Четыре чашки кофе. Один мёртвый макет.

Анна смотрела на рассыпанные по асфальту сухие ветки, мох и перепачканные клеем миниатюрные скамейки и чётко понимала две вещи.

Первое: этот человек только что уничтожил три недели её жизни.

Второе: если она сейчас закричит, тендер на landscaping главного городского госпиталя полетит к чёрту вместе с её репутацией.

— Вы в порядке? — спросил он.

Голос низкий, спокойный. Слишком спокойный для того, кто только что наступил в каблуках на планшет. Анна подняла голову.

Мужчина лет тридцати. Тёмные волосы, небрежно зачёсанные назад. Серая толстовка с выцветшим логотипом больницы. Под глазами — такие синяки, будто он неделю не спал. И глаза — странные. Не пустые, нет. А такие, как будто внутри горит маленькая, но очень усталая лампочка.

— Я не в порядке, — сказала Анна честно. — Вы только что перешли дорогу моей жизни. В прямом смысле.

Она указала на осколки планшета.

— Там были все расчёты дренажной системы. Без них я как архитектор ландшафтов — просто девочка с веточками.

Кирилл — как она позже узнала его имя — медленно моргнул. Потом наклонился и начал собирать ветки.

— Простите, — сказал он просто. — У меня было тяжёлое дежурство. Я не смотрел под ноги.

— И на людей тоже, — добавила Анна, забирая у него из рук искорёженную скамейку.

Они стояли во внутреннем дворе госпиталя. Восемь утра. Октябрь. В воздухе пахло мокрыми листьями, дешёвым кофе из автомата и отчаянием. Анна чувствовала себя героиней плохой драмы: вся в земле, с растрёпанным хвостом и макетом, который теперь напоминал не «зелёный оазис для пациентов», а «постапокалиптический лес».

— Анна Сергеевна? — раздался голос из-за спины. — Главврач вас ждёт.

Кирилл поднялся. В руке он держал отломанную миниатюрную лавочку — ту самую, которую она клеила вчера до двух ночи.

— Я почию, — сказал он.

— Вы даже не знаете, из какого она материала.

— Я нейрохирург. Я шью человеческие нервы толщиной с нитку. Со скамейкой справлюсь.

Анна хотела съязвить про то, что хирургам стоило бы чаще смотреть под ноги. Но не успела. Её уже звали к главному волку этого госпиталя — женщине в идеальном белом халате, которая ненавидела цветы (аллергия), зелень (лишняя влажность) и особенно Анну (потому что та была молодая, яркая и пришла не «вылизывать больницу», а «делать искусство»).

— И ещё, — Кирилл остановил её уже в дверях. — У вас мох отваливается от центрального камня.

— Вы разбираетесь в мхах?

— Я разбираюсь в том, что выглядит живым. Ваш сад — живёт неправильно. Но живёт.

Он развернулся и ушёл в сторону реанимации. Анна осталась стоять с осколками планшета в руках и странным чувством, которое она не могла описать.

Это была не симпатия. И даже не злость.

Это было предчувствие, что с этой секунды всё пойдёт не по плану.

«То есть как это „не по плану“?» — спросила бы её подруга Юля.

«А вот так. Как будто ты написала идеальный маршрут, а кто-то взял и переставил камни на дороге. Не убрал. Именно переставил. Так, что ты теперь не знаешь, куда идти».

Анна вздохнула, поправила чужую медицинскую толстовку, которую накинула утром на голое тело (потому что на старой майке были дырки от клея), и пошла на расстрел к главврачу.

Впереди был тендер.

И человек, который только что разбил её макет, обещал его починить.

Она почему-то была уверена: не починит. Но почему-то надеялась, что попробует.

Глава 2. Кофе, который не спасает, но греет

Тендер она провалила.

Не потому, что макет разбился. А потому, что главврач — Галина Борисовна, женщина с лицом, которому не нужен ботокс, потому что эмоций оно всё равно не выражало — сказала фразу, от которой у Анны похолодели пальцы:

— Мне не нужен сад. Мне нужна стерильная зелёная зона. Без характера. Без жизни. Понятно?

Три недели работы — в мусорку. Концепция «место, где хочется дышать» — в утиль. Вместо этого будет газон, три куста самшита и скамейка из пластика, который не выгорает на солнце, потому что солнца в этом дворе почти не бывает.

Анна вышла в коридор с таким чувством, будто из неё вынули хребет. Она прислонилась спиной к холодной стене, закрыла глаза и простояла так минут пять. Мимо шли медсёстры, санитары, кто-то катил каталку. Никто не спросил, в порядке ли она.

Потому что в больницах все свои. А чужая — она чужая.

— Держите.

Голос знакомый. Низкий. Усталый.

Анна открыла глаза. Перед ней стоял тот самый нейрохирург с синяками под глазами и держал пластиковый стаканчик с кофе из автомата. Пахло жжёными зёрнами, молоком и чем-то ещё — может, дезинфекцией.

— Это отравление, а не кофе, — сказала Анна, но стакан взяла.

— В этой больнице выбора нет. Либо это, либо капельница с физраствором.

Он сел на подоконник напротив. Без разрешения. Как будто они знакомы сто лет.

— Вы меня даже не представились, — заметила Анна.

— Кирилл.

— И всё?

— А что ещё? Опыт работы, семейное положение, группа крови?

Анна сделала глоток. Кофе действительно был ужасным. Горьким, с кислинкой и каким-то привкусом картона. Но странное дело — он грел пальцы. А в больницах всегда холодно. Особенно в октябре.

— Анна, — сказала она. — Можно просто Аня. Если мы будем пить этот яд вместе, то хотя бы на «ты».

Кирилл кивнул. Молча. Не улыбнулся, но в глазах усталая лампочка чуть-чуть замигала теплее.

— Скажите, Кирилл, — Аня сделала ещё глоток, — вы всегда такой злой? Или это профессиональное?

Он посмотрел на неё в упор. Впервые за всё время — прямо, не отводя глаз.

— А вы всегда лезете в душу с первого раза?

— Я архитектор. Мне по долгу службы лезть туда, куда не просят. Иначе сады получаются красивыми, но мёртвыми.

Кирилл взял паузу. Долгую. Такую, за которую успевают проехать скорая за окном и чей-то ребёнок прокричать в палате «мама, я не хочу укол».

— Я не злой, — сказал он наконец. — Просто устал от людей, которые украшают смерть.

— Это вы про меня?

— Про всех. Про того, кто вешает шторы с бабочками в реанимации. Про того, кто приносит цветы в палату, где человек умирает. Про вас, которая хочет сделать этот двор красивым, хотя по нему ходят люди, которые только что сказали родным «прощай».

Аня допила кофе. Стаканчик захрустел в пальцах.

— А знаете что, Кирилл? — тихо сказала она. — Моя бабушка лежала в такой же больнице. Три месяца. Единственное, что ей хотелось — выглянуть в окно и увидеть не серую стену, а зелёный куст. Чтобы было за что зацепиться глазами, пока сердце решает, биться ему или нет.

Он замер.

— Так что не надо мне про украшение смерти. Я сажаю деревья там, где их быть не должно, именно для того, кто остался. Не для тех, кто уходит. Понятно?

Она встала. Стаканчик полетел в урну — мимо, но она даже не обернулась.

И уже сделав три шага по коридору, услышала за спиной:

— Скамейка. Я починил.

Аня обернулась. Кирилл сидел на подоконнике — тот же, но другой. В руках он держал ту самую миниатюрную скамейку из её разбитого макета. Аккуратно склеенную. С почти ювелирной точностью.

— Я же говорил, что справлюсь, — сказал он. — Человеческие нервы сложнее.

— Но ведь макет уже не нужен. Главврач зарубила проект.

— Может, и не нужен. Но он живой. А живое — выбрасывать нельзя.

Кирилл протянул скамейку. Аня взяла её. Их пальцы не соприкоснулись — он специально держал за края. Но ей показалось, что воздух между ладонями нагрелся на полградуса.

— Завтра в это же время, — сказал Кирилл, кивая на автомат с кофе. — Я буду пить эту гадость. Если захотите составить компанию.

— А если я не пью яд по утрам?

— Вы уже пили. И вернётесь.

— Это почему же?

Он встал с подоконника, поправил халат, который сидел на нём так, будто был второй кожей — небрежно, но правильно. Посмотрел на неё сверху вниз (на пять сантиметров выше, успела отметить Аня).

— Потому что я починил вашу скамейку. Значит, вы мне должны. Хотя бы одну чашку этого отвратительного кофе.

И ушёл.

Не оборачиваясь. Так, как ходят люди, которые привыкли, что за ними никто не бежит. Потому что в больницах все заняты своим — болезнями, смертями, выживанием.

Аня осталась стоять посреди коридора с маленькой деревянной скамейкой в руках. Пахло хлоркой, осенью и чем-то ещё — совсем слабым, едва уловимым.

Мятой. Как будто он держал её слишком долго и пальцы успели нагреть лак.

Она сунула скамейку в сумку, достала телефон и написала подруге Юле:

«Кажется, я согласилась пить утренний яд с незнакомым нейрохирургом. Это нормально?»

Юля ответила через три секунды:

«Это называется свидание, боже ты мой. И да, он горячий?»

Аня посмотрела в конец коридора. Кирилл уже свернул за угол. Но почему-то ей казалось, что она всё ещё чувствует его присутствие — как тяжёлое, тёплое одеяло, которым накрыли внезапно и не спросили.

Она набрала в ответ:

«Горячий? Он как лампочка на последнем вздохе. Но почему-то хочется её не выкрутить, а подождать — вдруг загорится ярче».

Юля прислала гифку с попкорном.

Аня убрала телефон, посмотрела на часы. До завтрашнего утра — четырнадцать часов. Она никогда не пила кофе в больницах. И ненавидела вставать рано.

Но почему-то уже поставила будильник на полчаса раньше.

Глава 3. Три часа ночи. Двор, где ничего не растёт

Всё случилось в четверг.

Аня приехала в больницу в половине одиннадцатого вечера — доделывать светильники. Главврач разрешила их повесить только ночью, «чтобы не мешать процессу выздоровления». Что за процесс такой, от которого мешают светодиодные ленты в форме листьев, Галина Борисовна не объяснила.

Аня не спорила. Ей было проще работать ночью. Тишина. Никто не дышит в спину. И можно делать вид, что ты не думаешь о нейрохирурге, который каждое утро пьёт с тобой отвратительный кофе и каждое утро находит повод сказать что-то, от чего внутри всё переворачивается.

«Сегодня вы опять в этом свитере. Знаете, он вам идёт. Потому что вы в нём похожи на человека, который не боится испачкаться в земле».

— Дурак, — прошептала Аня, вкручивая лампочку в третий светильник. — Сказал бы прямо, что нравлюсь. Или нет. Лучше нет.

Кот Шпрот остался дома. Спал на её подушке, поджав лапы. Умный кот. Не ходит по больницам, не влюбляется в угрюмых хирургов, не вкручивает лампочки в одиннадцать ночи.

Она закончила с четвёртым светильником в половине первого. Двор преобразился: тёплый, мягкий свет стелился по дорожкам, выхватывая из темноты стволы будущих деревьев (которые главврач пока не одобрила), скамейку (ту самую, починенную) и странную тишину.

Обычно в больницах тишина давящая. А здесь — как будто двор вдохнул и задержал дыхание.

Аня села на скамейку, достала термос с чаем и просто смотрела на свет. Она любила этот момент — когда работа закончена, и можно просто быть. Не доказывать. Не спорить. Не влюбляться.

Последнее не получалось.

Кирилл. Его руки. Его молчание. То, как он однажды сказал: «Вы — как сорняк. Вас не вытравить, даже если очень хочется». И она тогда обиделась. А потом поняла, что это был комплимент. Самый честный в его жизни.

Аня закрыла глаза. Чай остывал. Где-то далеко, на верхних этажах, работала вентиляция — мерно, усыпляюще.

Она не слышала шагов. Не слышала ничего, пока рядом не скрипнула скамейка.

— Не спи, — сказал голос. Чужой. Сломанный. — Ещё рано.

Аня открыла глаза. Рядом сидел Кирилл — но не тот, которого она знала. Не тот, кто шутил про кофе и человеческие нервы. Другой.

Он был в операционной форме. Зелёной. С тёмными пятнами на рукавах — вода или что-то другое, Аня предпочла не думать. Волосы слиплись, лицо белое, как бумага. А глаза — те самые, с усталой лампочкой — теперь не мигали. Лампочка погасла.

— Кирилл? — тихо спросила она. — Что случилось?

Он не ответил. Смотрел прямо перед собой. На неё — нет. На светильники? На деревья, которых нет? На то, что осталось там, в операционной?

Аня замерла. Она видела таких людей. После аварий. После похорон. Когда внутри всё сломалось, а снаружи — целое. Самые страшные. Потому что за них не зацепиться.

— Мальчик, — сказал Кирилл голосом, в котором не было ничего. — Восемь лет. Велосипед. Грузовик.

Аня молчала. Потому что правильных слов нет. И никогда не было.

— Мы делали всё. Пять часов. Он был в сознании до последнего, понимаешь? Держал меня за руку и говорил: «Дядя, мне больно, но я потерплю». Он терпел. А я...

Голос дрогнул. Первый раз. За все их утренние кофе, за все колкости и разговоры ни о чём.

— Я нейрохирург, — прошептал Кирилл. — Я шью нервы толщиной с нитку. А спасти восьмилетнего мальчика не смог. Потому что... потому что... боже...

Он закрыл лицо руками.

Аня никогда не видела, чтобы мужчины плакали. Не по-настоящему. В кино — да. В книгах — пожалуйста. А так, вживую, чтобы плечи дрожали, а дыхание превращалось в короткие, хриплые всхлипы — никогда.

И она не знала, что делать.

Обнять? Сказать «всё будет хорошо»? Позвать кого-то?

Нет.

Она просто села ближе. Совсем близко — плечом к плечу. И накрыла его своей курткой. Той самой, старой, в дырках от клея и землёй.

Кирилл вздрогнул. Поднял голову. Посмотрел на неё — в первый раз за этот вечер.

— Не уходи, — сказал он. Тихо. Так тихо, что слова почти растворились в вентиляции.

— Я не уйду, — сказала Аня. — Я здесь. Я сажаю деревья там, где их быть не должно. Помнишь?

Он кивнул. Один раз.

— Тогда слушай, — Аня говорила медленно, как будто убаюкивала. — Этот двор будет жить. Я обещаю. Здесь будут деревья — высокие, шумные. И трава, по которой можно ходить босиком. И скамейки, на которых можно плакать. Я сделаю так, чтобы тот мальчик... чтобы все мальчики, которые здесь лежат, могли выглянуть в окно и увидеть не серую стену.

Кирилл молчал. Но его плечо перестало дрожать.

Они сидели так очень долго. Может, час. Может, три. Светильники горели, разгоняя темноту по углам. Кофейный автомат пискнул где-то в коридоре — кто-то не спал на дежурстве. А Аня всё сидела и держала его под курткой — не за руку, нет. Просто рядом.

В какой-то момент Кирилл выдохнул. Глубоко. Как ныряльщик, который наконец добрался до поверхности.

— Зачем ты здесь? — спросил он, не глядя. — В три часа ночи. В больнице. С идиотскими светильниками.

— Я архитектор, — сказала Аня. — Мне по долгу службы лезть туда, куда не просят.

Он повернул голову. Посмотрел на неё — долго, внимательно, по-другому. Не как на «девушку с веточками». Как на человека, который остался. Когда мог уйти. Когда все обычно уходят.

— Ты странная, — сказал он.

— А ты — злой. Но мы уже это выяснили.

Кирилл почти улыбнулся. Криво, неумело, как будто забыл, как это делается. Но почти.

— Завтра утром кофе? — спросил он.

— Ты серьёзно? Сейчас три часа ночи.

— Я серьёзно.

Аня посмотрела на светильники. На скамейку. На человека, который только что разбился на её глазах — и, кажется, начал склеивать себя обратно. Без клея. Без слов. Просто потому что она была рядом.

— Да, — сказала она. — Завтра утром кофе. Та же гадость.

— Я куплю нормальный, — сказал Кирилл. — Завтра. В первый и последний раз.

Они помолчали. Вентиляция затихла. Светильники мигнули — датчик движения отключил их на минуту.

В полной темноте Аня почувствовала, как его пальцы накрыли её ладонь. Легко. Почти невесомо. Спросить можно? Убрать руку? Сделать вид, что это случайно?

Она не убрала.

— Спасибо, что не говорила «всё будет хорошо», — прошептал Кирилл в темноте.

— Всё будет не хорошо, — ответила Аня. — Но будет по-другому. А по-другому — иногда лучше, чем хорошо.

Светильники зажглись снова. Кирилл убрал руку. Встал. Посмотрел на неё сверху вниз — усталый, сломанный, небритый, в пятнистой операционной форме.

Самый красивый человек, которого она когда-либо видела.

— До утра, — сказал он.

— До утра.

Он ушёл. Не оглядываясь.

Аня осталась сидеть на скамейке. Смотрела на опустевшее место рядом. Потом перевела взгляд на небо — над больницей оно было чёрным, без звёзд. Но ей казалось, что одна зажглась. Или не зажглась — просто перестала мигать.

Она достала телефон. Написала Юле: «Он держал меня за руку в темноте. Это много значит?»

Юля не спала. В два часа ночи она смотрела сериал и ела печенье.

«Девочка, это значит всё. Теперь ты в этом по уши. И он тоже. Поздравляю, у тебя любовь. Самая страшная — когда через боль».

Аня убрала телефон. Застегнула куртку — ту самую, которой накрыла Кирилла. Она пахла больницей, хлоркой и чуть-чуть — его одеколоном. Древесным, горьким.

Она вдохнула этот запах и поняла: обратной дороги нет.

Она не просто сажала деревья там, где их быть не должно. Она пускала корни там, где их быть не должно.

В трёх сантиметрах от чужого сердца.

Глава 4. Система не любит, когда её чинят

Галина Борисовна вызвала её в девять утра.

Не в приёмную. Не в переговорную. А в свой кабинет — туда, где пахло стерильностью, деньгами и правом решать. На стенах — дипломы и благодарственные письма от мэра. На столе — ни одной лишней бумажки. Женщина, которая не ошибалась. Женщина, которая не прощала.

Аня вошла без стука (дверь была открыта) и сразу поняла: это конец.

Главврач сидела за столом, сложив руки в замок. Рядом стоял заместитель — Игорь Семёнович, маленький, лысый, с лицом, которое всегда говорило «я не при чём». На экране ноутбука — стоп-кадр с камеры наблюдения. Внутренний двор. Три часа ночи. Два силуэта на скамейке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.